

ТЭФФИ

Надежда Тэффи

Пасхальный рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662055

Аннотация

«Нина Николаевна и Андреев очень сошлись характерами. Может быть, потому, что встречались только по вечерам, после работы, и времени еле хватало на выражение нежных чувств, так что о том, чтобы как следует поругаться, и мечтать было нечего...»

Надежда Тэффи

Пасхальный рассказ

Многие, наверное, помнят те традиционные праздничные рассказы, которые печатались в газетах и журналах в рождественских и пасхальных номерах.

А те, кто их не читал, те, конечно, знают понаслышке, так как рассказы эти столько раз высмеивались.

Темы этих рассказов были специальные.

Для рождественского – замерзающий мальчик или ребенок бедняка на богатой елке.

Для пасхального рассказа полагалось возвращение блудного мужа к жене, одиноко тоскующей над куличом. Или возвращение блудной жены к брошенному мужу, обливающему одинокими слезами бабу.

Примирение и прощение происходило под звон пасхальных колоколов.

Таковы были строго выбранные и установленные темы.

Почему дело должно было происходить именно так – неизвестно. Муж с женой отлично могли бы помириться и в ночь под Рождество, а бедный мальчик вместо елки мог бы так же трогательно разговестись среди богатых детей.

Но обычай вкоренился так прочно, что и подумать об этом было нельзя. Возмущенные читатели стали бы писать негодующие письма, и тираж журнала пошатнулся бы непременно.

но.

Даже крупные писатели покорялись этому обычаю. Заказывали такому писателю рождественский рассказ – он писал рождественский. Заказывали пасхальный – тоже знал, что от него требуется.

Даже такой утонченный писатель, как Федор Сологуб, писал на пасхальные темы с примирением супругов под звон колоколов. Впрочем, было в Сологубе много тайной иронии, и любил он иногда как бы нарочно, как бы издеваясь над самим собой и над заискивающими перед ним в тот период издателями, взять да и подвернуть пошленькую тему.

Но вот после этого предисловия расскажу я вам самый настоящий пасхальный рассказ, автором которого является сама жизнь. Можно подумать, что начиталась жизнь всяких пасхальных сантиментальных выдумок, да и решила:

– Нет, господа писатели, все это так, да не так. Вот я вам сейчас изображу все, как надо.

Постараюсь передать рассказ в том виде, в каком рассказала его жизнь.

* * *

Нина Николаевна прижалась плечом к Андрееву. Он взял ее под руку и стал протискиваться через толпу.

– Какая масса народу всегда на этих заутренях, – сказала Нина Николаевна. – Ничего не видно, ничего не слышно, в

церковь не пробраться, топчешься на улице и знакомых не разыскать.

– Иностранцев масса, – сказал Андреев. – Им любопытно. Гудел тяжелый колокол.

Лица, озаренные снизу теплым розовым огоньком свеч, казались совсем необычными, с темными провалами глаз, широкими дугами бровей и резко очерченным ртом.

Огромные «солнца» кинематографических аппаратов освещали толпу, стоящую на ступенях храма, и медленно льющуюся струю крестного хода.

– Пойдем домой! – сказала Нина Николаевна. – Начинает дождь накрапывать.

– Хочешь сегодня разговляться? – спросил Андреев.

– Да у меня ничего особенного нет. Кулич, пасха, ветчина, колбаса из русской лавки.

– Ну чего же еще! Прямо пир горой. Значит, ты меня приглашаешь?

Нина Николаевна и Андреев очень сошлись характерами. Может быть, потому, что встречались только по вечерам, после работы, и времени еле хватало на выражение нежных чувств, так что о том, чтобы как следует поругаться, и мечтать было нечего.

Нина Николаевна была очень мила и уютна. Андреев был человек несложный, отнюдь не раздираемый всякими проклятыми вопросами и запросами, жил на свете просто, ел, пил, служил и водил свою даму в кино. Воротнички носил

свежие и даже чистил ноги.

Человек с такими чудесными качествами и который явился на жизненном пути Нины Николаевны так вовремя, как раз в такую минуту, когда именно такой человек нужен, — не мог не завладеть ее сердцем. А минута их роковой встречи была та самая, когда муж Нины Николаевны, неврастеник самого подлого типа (визгун, пила, нытик), заявил ей, что они никогда не поймут друг друга, и ушел, хлопнув дверью.

Почему он сказал «под занавес» такую неудачную фразу — неизвестно. На самом деле именно оттого они и ссорились, что очень хорошо друг друга понимали. Она понимала, что он лентяй и бездельник, который злится, что у него нет денег, чтобы сидеть в бистро и развивать перед каким-нибудь случайным слушателем всякие свои ерундовые, всегда желчные мысли.

Он понимал, что ей хочется принарядиться и пойти в кино.

А больше в обоих понимать было абсолютно нечего.

И вот, когда дверь за ним захлопнулась, она вспомнила, что забыла попрекнуть его, что когда он был осенью болен, так она три ночи не спала.

Живо вскочив с места и распахнув дверь, чтобы крикнуть ему вниз по лестнице, что он неблагодарная свинья, она столкнулась лицом к лицу с очаровательным господином в пестрой пижаме, который, открыв дверь своего номера, выставял за порог сапоги.

Как потом выяснилось, возбужденное и пламенеющее лицо Нины Николаевны поразило его.

– Экспрессия и темперамент неописуемые, – говорил он.

На другое же утро он робко постучал к ней и спросил, не беспокоит ли ее, что он по ночам курит.

Она выразила изумление.

– Через стену разве это может иметь значение?

– Ах, не говорите! – сказал он. – Парижские постройки такие зыбкие. Здешний бетон такой пористый, все впитывает. И я бы никогда не простил себе, если бы вы из-за меня пострадали.

И пошло, и пошло. На другой день он уже знал, что она больше не верит в любовь и навсегда останется одинокой, а она знала, что он никогда не любил и любить не будет.

Выяснив это, он с ее согласия переехал в номер, находящийся по другую сторону от ее комнаты, потому что в этом номере была дверь в ее комнату.

Муж Нины Николаевны так и не вернулся.

Раза два писал ей длинные письма, в которых сообщал, что он никогда не сможет ее простить, но за что именно, так и не объяснил. Зато излагал очень подробно свои взгляды на психологию современного человека и требовал от этого человека неперменного совершенствования, и как можно скорее.

– Мир задыхается! – восклицал он.

Нине Николаевне письма его очень не нравились.

«Эдакий болван, – думала она. – Написал бы лучше, нашел ли службу».

Но время шло. Андреев, с которым некогда было ссориться, стал казаться пресноватым.

«Синема да синема. Никаких запросов», – думала она о нем уже с некоторым раздражением.

И письма мужа, валявшиеся на дне рабочего ящика, начали ей больше нравиться.

– Это все-таки был человек незаурядный. Может быть, я действительно была перед ним виновата?

Портретов мужа у нее не было. Была одна старая карточка еще жениховских времен, с хохлом на лбу и вдохновенными глазами. И глядя на него, Нина Николаевна мало-помалу стала забывать пухлую желтую харю последних времен своей супружеской жизни.

* * *

Двери отельчика еще не были заперты, когда они подошли к дому.

Девушка-бюро сидела за конторкой и, увидя Нину Николаевну, сказала вполголоса, покосившись на Андреева:

– Мосье сидит в комнате мадам.

Нина Николаевна сначала не поняла, о ком речь.

– Мосье – ваш муж, – внушительно сказала девушка и опять покосилась на Андреева.

Нина Николаевна замерла.

– Идите к себе, – сказала она вполголоса. – Мы потом объяснимся. Муж вернулся.

Тот метнулся было к ней, хотел что-то сказать, но только растерянно развел руками и побежал вверх по лестнице, шагая через две ступеньки.

Нина Николаевна медленно, с тяжело бьющимся сердцем стала подниматься. Закрыв глаза, постояла минутку перед дверью.

– Вернулся! Вернулся! Он вернулся! Боже мой! Я, кажется, его люблю!

Она тихо открыла дверь и остановилась.

За столом сидел пухлый желтый человек и с аппетитом ел ветчину.

– Простите, – сказал он спокойно. – Я тут не дождался вас и подзакусил.

Она растерянно смотрела и не знала, что ей делать. Сняла шляпу. Положила ее на кровать. Подвинула стул к столу. Села.

Он скользнул по ней глазами, вытер рот, закурил и спросил деловито:

– У вас чаю нет? Я бы выпил чашку.

– Сейчас, – сказала она дрожащим голосом и пошла за перегородку готовить чай.

«Как все это удивительно! – думала она. – Как в сказке! Вернулся в пасхальную ночь. И как он гордо владеет собою.

Но что будет с Андреевым? Трагедия... Вернулся! Как сон... Съел мою ветчину... Как сон. Что же это в конце концов – любовь или что?»

Когда она снова подошла к столу, он задумчиво жевал кулич, намазывая на него пасху.

– Ну-с, как же вы живете? – спросил он довольно равнодушно. И, не дожидаясь ответа, продолжал: – Я много передумал за это время и решил вас простить. В конце концов вы не виноваты в том, что ваши родители были глупы и передали вам это неудобное качество. Что поделаешь? Если бы вы еще были очень красивы и могли бы красотой покрыть свои духовные дефекты – было бы, конечно, легче. Вы не должны обижаться. Я говорю не для того, чтобы обидеть вас, а для того, чтобы вы уяснили себе ваше положение в мире. Вы, наверное, никогда не задумывались о своем положении в мире? Такое существо, как вы, чтобы оправдать свое существование, должно быть жертвенным. Должно служить существу высшего порядка, натуре избранной.

Он затыкнул папироской, развалился в кресле и, засунув руки в карманы, продолжал:

– Я сейчас разрабатываю один план в грандиозно-европейском масштабе. Нужен сильный и быстрый разворот. Постарайтесь следить за моей мыслью. Н-да. Сильный и быстрый разворот. В грандиозно-европейском масштабе. Я, конечно, не думаю поселиться вместе с вами. Меня снова закосало бы мещанство. Но я вас простил и даю вам возмож-

ность быть полезной и мне, и моему делу. Короче говоря – есть у вас пятьдесят франков?

* * *

Она открыла окно, чтобы выветрить табачный дым. Прислушалась.

Ей казалось, что в воздухе еще гудит пасхальный звон. Нет, это был рожок автомобиля.

Прибрала на столе.

Щеки горели. Но на душе было спокойно и даже как-то уютно. Вероятно, школьник, которому долго грозили наказанием и в конце концов выпороли, так себя чувствует.

Смела со скатерти крошки, унесла грязную тарелку, подправила фасон пасхи – будто она просто маленькая, а не то что кусок (здоровенный!) уже съеден. Пригладила волосы и постучала к Андрееву.

Он тотчас откликнулся и вошел, надутый, обиженный, не знающий, как себя держать.

Она усадила его за стол и, сделав фатальное выражение лица (брови подняты, глаза опущены, губы сжаты), до утра рассказывала ему про мужа, как этот безумец рыдал, умолял ее простить и вернуться, соблазнял ее своим великолепным положением и крупным заработком:

– Пятьдесят франков в день гарантированных.

Но она отвергла его. И если он застрелится, то:

– Верь мне, ни одна фибра моего лица не дрогнет.

И Андреев смотрел на фибры ее лица, с которых слезла пудра, и думал:

«Это фатальная женщина. Нужно от нее подальше».